
ЮЛИЯ ИЮЛЬСКАЯ
КИОКО
НАСЛЕДИЕ ДРАКОНА
ЧЕРДАК С ИСТОРИЯМИ
МИФ

МИФ Проза

Юлия Июльская

Киоко. Наследие дракона

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»
2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445.13

Июльская Ю.

Киоко. Наследие дракона / Ю. Июльская — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2024 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00214-617-8

Киоко верно хранит память о прошлом своего народа, ведь чтить прошлое – одна из главных задач истинной принцессы Шинджу, в жилах которой течет кровь бога-дракона Ватацуми. Но императрицей ей не быть: вся власть принадлежит мужчинам, а принцессе должно покориться судьбе и стать примерной женой… Но можно ли отказаться от дара, полученного с кровью предков? Можно ли свернуть с пути, уготованного судьбой? И пусть на этом пути Киоко ждут предательства и разочарования – Сердце дракона бьется в ее груди. От автора В основу данной книги я заложила многое из Древней Японии. Вы можете узнать здесь элементы разных эпох: от Хэйан (побольше) до Эдо (совсем чуть-чуть). Вы узнаете богов синтоизма и немного буддизма, прочитаете старые легенды в новом исполнении. Но помните: Шинджу – другая страна, в чем-то похожая на Японию, но все же обладающая уникальным прошлым, которое и стало причиной расхождений с прообразом. Не ищите здесь исторической достоверности. Отбросьте предвзятость и попытки отыскать сходство с нашей реальностью. Откройтесь новому миру и позвольте провести вас через него.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445.13

ISBN 978-5-00214-617-8

© Июльская Ю., 2024
© Манн, Иванов и Фербер (МИФ), 2024

Содержание

Времяисчисление Шинджу 9
Карта дворца 10
От автора 11
Дар бога исчез 12
Тайны посланник хранит 23
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Юлия Июльская
Киоко. Наследие дракона

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Юлия Июльская, 2024
© Оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2024

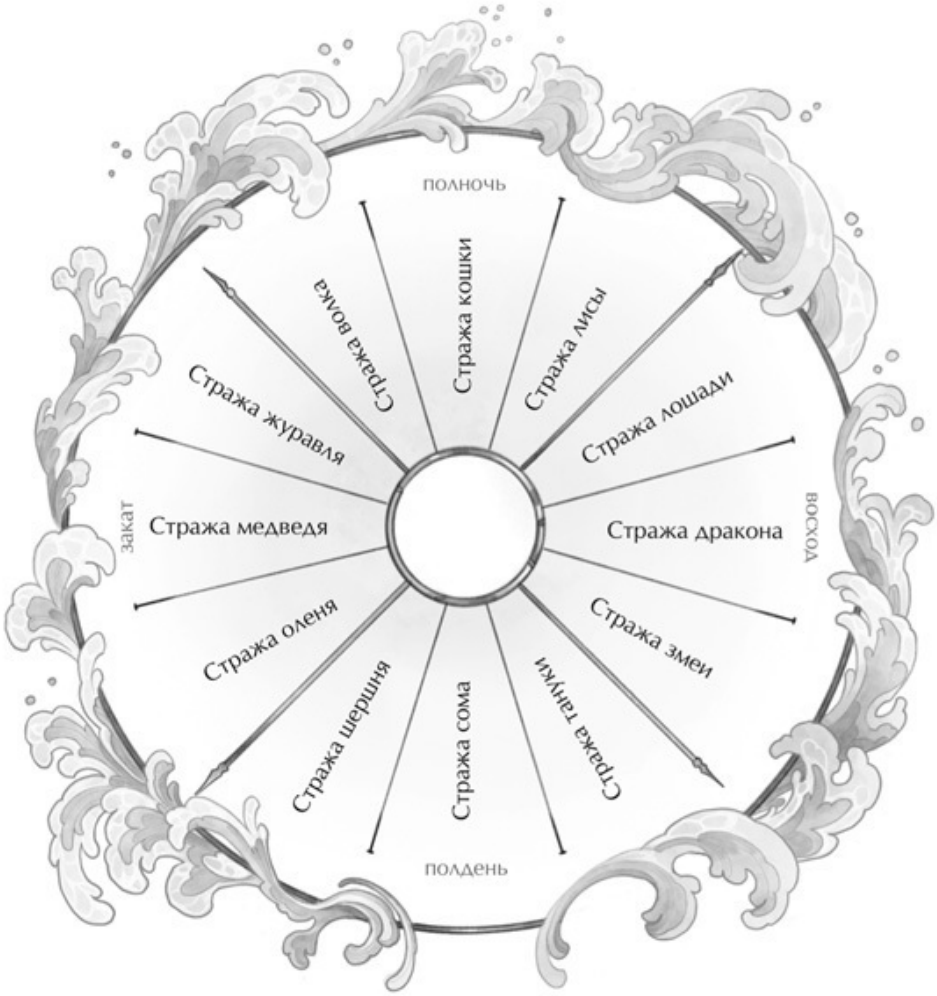
* * *

Каждой девочке, девушке, женщине, чья жизнь не обернулась сказкой

Времяисчисление Шинджу

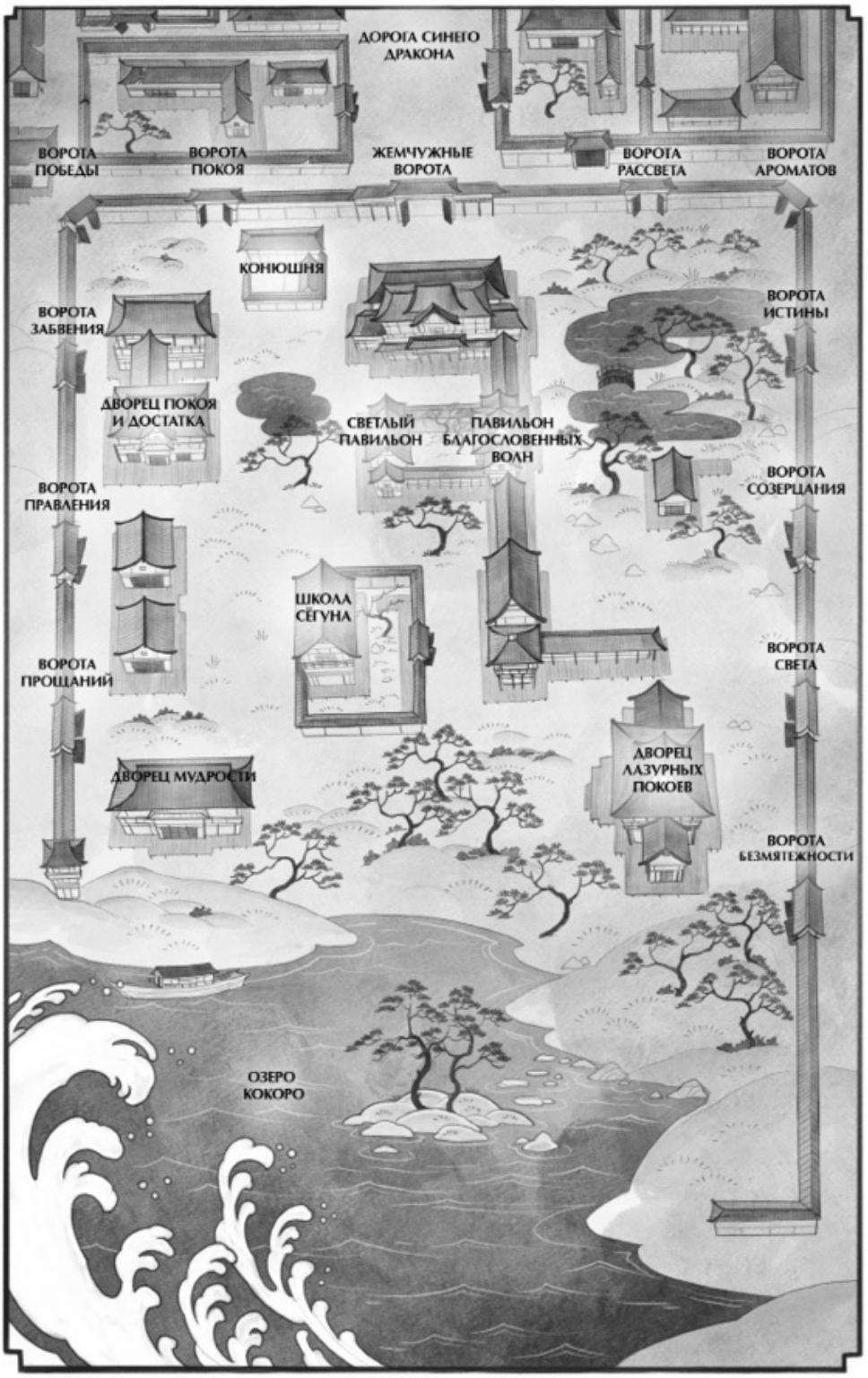
ВРЕМЯ РОСТА
- Новый месяц
- Одетый месяц
- Цветной месяц

ВРЕМЯ ЖИЗНИ
- Красивый месяц
- Лунный месяц
- Тёмный месяц

ВРЕМЯ СИЛЫ
- Древесный месяц
- Горячий месяц
- Водный месяц

ВРЕМЯ СМЕРТИ
- Спокойный месяц
- Холодный месяц
- Последний месяц

Карта дворца

От автора

В основу данной книги я заложила многое из Древней Японии. Вы можете узнать здесь элементы разных эпох: от Хэйан (побольше) до Эдо (совсем чуть-чуть). Вы узнаете богов синтоизма и немного буддизма, прочитаете старые легенды в новом исполнении.

Но помните: Шинджу – другая страна, в чём-то похожая на Японию, но всё же обладающая уникальным прошлым, которое и стало причиной расхождений с прообразом.

Не ищите здесь исторической достоверности. Отбросьте предвзятость и попытки отыскать сходство с нашей реальностью. Откройтесь новому миру и позвольте провести вас через него.

Дар бога исчез

Много тысяч лет назад – даже сам дракон Ватацуми потерял счёт времени и не смог бы точно сказать, когда всё произошло, – он сидел в своём хрустальном замке на дне Драконьего моря и печалился из-за пустоты, что снедала его бессмертную душу.

Он мог бы отправиться на запад – к материку или на восток – в глубины моря, но ни лесные, ни морские жители не казались ему в достаточной степени разумными и интересными, чтобы разделить с ними беседу. А боги… Боги были слишком увлечены собственными делами, чтобы вникать в чужие слова. Кроме того, они были слишком заносчивыми – равными Ватацуми, – тогда как он начал подозревать у себя желание получить больше власти и признания. Не столько из тщеславия, сколько из слабой надежды на то, что чужое почитание сделает его существование интересным и – что важнее – осмысленным.

Но где найти тех, кто будет его восхвалять? Кто станет строить храмы в его честь, приносить ему дары, обращать к нему свои молитвы? Добиться этого от независимых ёкаев с земли? Легче захлебнуться, умея дышать под водой, и умереть, будучи бессмертным. От морских гадов? Так те и вовсе не понимают, что у них есть божество. Живут себе, едят, спят, плодят потомство – ничего им больше не нужно.

– Потомство…

Дракон услышал собственный голос – он опять заговорил вслух. Ватацуми неспешно подплыл к длинному столу и осмотрел одну за другой дюжину жемчужин. С их помощью он управлял приливами и отливами, морским дном, течениями и подводными жителями.

Ватацуми крепко задумался.

– А может, и правда? Может, создать новых существ, выделить им особое место неподалёку? На севере от замка как раз достаточно свободных тё[1]*. Очистить от водорослей, поднять повыше…*

Он замолчал, но продолжил расчёты в уме: как изменить рельеф, сделать почву пригодной для наземной жизни и – самое главное – как и кем заселить новый остров? Не было сложности в том, чтобы создать место, но рыб на сушу не выгонишь и разума им не добавишь. Лишь прямое потомство бога способно чтить своего отца.

Решение пришло само, когда к дракону явилась с материка Инари.

– Ватацуми, милый, здравствуй, – девушка проплыла над хрустальным полом в сторону жемчужин. Рыжие волосы богини разметались пламенем в его холодных водах.

Ватацуми сдержанно поклонился гостье.

– Приветствую, лисица.

– Как давно мы не виделись? Уже и не вспомнить, правда? – она приподняла уголок тонкогубого рта, обнажая правый клык, и окинула любопытным взглядом арсенал дракона. – Смотрю, ты здесь совсем обжился. Интересно у тебя всё устроено. Управляешь морем при помощи жемчуга?

– Так проще концентрировать энергию.

Ватацуми повёл плечом, чувствуя, как перестраиваются кости, мышцы, сухожилия, как меняются позвоночник и черепная коробка, а обновлённые внутренние органы занимают свои места. Дракон не очень любил превращения, но сейчас счёл это необходимостью. Любовь к облику Создателя – то немногое, что он сохранил в памяти об Инари. Так что спустя мгновение на месте дракона стоял мужчина. Он мельком глянул на отражение в идеально гладкой поверхности пола – на свои тонкие руки и ноги, – проверяя, получилось ли скрыть

[1] Тё – мера площади, примерно равная 0,99 гектара.

за изящной внешностью истинную силу. Прямые чёрные волосы плавно легли на выпирающие ключицы. Ему нравилось, как искусно он вылепил из себя это тело. С виду и не поймёшь, кто в нём спрятан. Только глаза – лазурные, цвета его моря – остались прежними, в них всё так же отражалось каждое мгновение прожитых лет. К сожалению, взгляд – единственное, что изменить невозможно. Глаза всегда отражают его ками. А потому не могут выглядеть иначе.

Ватацуми шагнул в сторону и слегка поморщился: это тело было непривычно чувствительным, прикосновение к полу раздражало кожу, а вода мешала двигаться. Он прикрыл глаза и, на мгновение застыв, изгнал воду из замка. Та отхлынула через все окна и арки в открытое море, избавляя от себя богов. Как только на хрустальном полу иссякли последние ручейки, Ватацуми протянул руку к стенной нише, достал шёлковое кимоно цвета тины и быстро набросил его. Нагота не смущала, но родной дом внезапно стал неуютным.

Принимая этот жест гостеприимства, Инари благодарно улыбнулась, поправила волосы, на которых не осталось ни капли влаги, и осторожно коснулась одной из жемчужин.

– Значит, и без них можешь. – Нежно погладив поверхность бывшей песчинки, она снова взглянула на Ватацуми. – Таким ты мне больше нравишься.

Приблизившись к ней, Ватацуми накрыл тонкими пальцами ладонь Инари и аккуратно снял с жемчужины её руку, не выпуская из своей.

– Так что, лисья богиня, чему я обязан такой честью? Ты ведь не для того пришла, чтобы любоваться жемчугом, – он слегка подался вперёд и заглянул в глаза Инари, в них шумел изумрудный лес её владений. – Тебя что-то тревожит.

Она вздохнула и попыталась освободить ладонь.

– Рыба.

– Рыба? – Ватацуми сжал пальцы крепче, и Инари послушно расслабила руку.

– Моим лисам нужна рыба. Они заполнили собой весь лес. Полёвки не успевают плодиться из-за их непрестанной охоты, – горько усмехнулась девушка.

– Интересно вышло…

– Не особенно. Это мой первый эксперимент с животными…

– И ты, что же, не дала подопечным выбора в питании?

– Дала, конечно! – в зелёных глазах вспыхнуло отчаяние. Его-то Ватацуми и надеялся увидеть.

Инари поморщилась.

– На южной окраине леса в горах живёт Каннон. Уверена, ты знаешь эту кошку. Животные находятся под её опекой, и, конечно, она не очень хочет ими делиться. А я не могу портить с ней отношения, мы ведь на одной территории. Я едва выпросила полёвок, и то не сразу. Бедные кицунэ сначала вообще ели только ягоды и фрукты. Можешь представить себе хищников, питающихся травой? Им нужно мясо. Они, конечно, и на растениях могут протянуть, но я создавала их всеядными для подстраховки, а не для того, чтобы потом перевести охотников на диету из корешк…

– Хватит. – Ватацуми поднял руку, прерывая тираду гостьи. – Это ваши дела. Чего именно ты ждёшь от меня?

Она замялась, всем видом выражая своё смущение.

– Я подумала: если мои кицунэ не могут есть животных, может, ты поделишься с ними рыбой?

– Иными словами, ты хочешь, чтобы я отправил своих подопечных погибать от когтей и зубов твоих зверей, потому что ты не смогла грамотно установить природный баланс? Почему мои рыбы должны платить жизнью за твои ошибки?

– Ватацуми… – выдохнула она. Он едва расслышал в этом вздохе своё имя.

– Инари, – он не отрывал взгляда от её глаз, упиваясь мольбой и надеждой в них, – каким я буду после этого правителем?

– Я всё понимаю, – голос оставался тихим, а слова – едва различимыми, – но мне больше не к кому обратиться. – Её плечи поникли. Взгляд опустился, бессмысленно заскользив по полу. Рука, всё ещё зажатая в мужской ладони, обмякла.

Обречённая девушка, осознавшая свою нужду, открывшая своё бессилие. Ватацуми видел перед собой не богиню, но собственный шанс. Он аккуратно поддел её подбородок.

– Посмотри на меня.

Инари подняла глаза. Он постарался вложить в свой взгляд всё участие, на которое был способен.

– Я не могу жертвовать своим народом ради твоего. И не стану.

– Но…

– Я не договорил.

– Извини, – она опять потупилась, но рука мужчины не позволила склонить голову. Он поднял её подбородок выше, заставляя снова смотреть в глаза.

– Я не могу жертвовать своим народом, но это не значит, что я не могу помочь.

Он замолчал. Девушка смотрела на дракона со смесью недоверия и надежды.

– В Шику будет река. Она возьмёт своё начало на севере южных гор, пройдёт через лес и к северо-востоку от него впадёт в море. Там поселятся пресноводные рыбы, но твоим кицунэ строго запрещено лишать кого бы то ни было жизни.

Глаза богини округлились.

– Ты решил просто подразнить их? Они, конечно, могут глотать её живьём, но вряд ли ты это имеешь в виду, – Инари по-лисьи фыркнула и попыталась отвернуться, но Ватацуми снова удержал её лицо, не позволяя разорвать зрительный контакт.

– Дослушай. С конца времени роста и до середины времени жизни в реку будет заплывать лосось на нерест. После нереста он, подарив жизнь следующему поколению, умирает. Твои лисы могут убивать только тех, кто уже отнерестился. Они будут питаться свежим лососем раз в год в течение нескольких месяцев. – Наконец он отпустил её лицо, но в этот раз Инари не шелохнулась. – Этого будет достаточно?

– Да, – выдохнула она.

Ватацуми улыбнулся, но ничего не сказал. Он ждал.

– Что я могу сделать для тебя взамен?

Дракон отпустил ладонь Инари и не спеша обошёл богиню, встав у неё за спиной. Тонкие пальцы скользнули по её предплечью и поднялись к шее. Он осторожно поддел рыжую прядь, открывая ухо, наклонился и прошептал, намеренно задевая губами чувствительную кожу:

– Твоя благодарность доставит удовольствие нам обоим.

*** * ***

– Такова великая история сотворения Шинджу – жемчужины Драконьего моря.

Учитель гордо поднял подбородок, прикрыл глаза и застыл, будто не пересказал в сотый раз всем известную легенду, а самолично положил начало людскому роду. Киоко невольно хихикнула, чем навлекла на себя строгий взгляд. Пришлось поспешно опустить голову и спрятать улыбку за лёгким поклоном.

– Да, Акихиро-сэнсэй. Спасибо за рассказ.

Мужчина провёл рукой, испещрённой глубокими морщинами, по длинным серебряным волосам и недоверчиво покачал головой.

– Ох, Киоко-химэ, вы ведь принцесса, вам подобает ценить столь изящные истории. Разве она не прекрасна? Разве не видите вы того, *что* тогда случилось? Это ведь наше прошлое,

заложившее традиции страны. Одна из ваших обязанностей – чтить это прошлое, – его скрипучий голос и неизменно нравоучительный тон нагоняли тоску.

Киоко прекрасно знала свои обязанности. Она почитала традиции, прилежно училась и любила свою страну. Но некоторые вопросы не давали ей покоя. Один из них – зачем?

Императором женщине не стать. И хотя женщины были средоточием искусства Шинджу – ими восхищались, их восхваляли, их превозносили, – власть как скучное и совершенно не изящное занятие оставалась у мужчин. И повлиять на что-то Киоко при всём желании не могла. Строго говоря, ей и в правящей семье жить осталось недолго. Завтра она выйдет замуж и переедет во дворец сёгуна[2], станет одной из многих придворных дам, и все её познания в истории не будут иметь никакого смысла. То ли дело литература, живопись и театр – то, к чему она была равнодушна до сих пор, должно стать частью её придворной жизни, если, конечно, она хочет обзавестись подругами. Странно, что учитель раз за разом возвращает её к истории, словно позабыв о скором будущем принцессы.

Эта мысль беспокоила, но Киоко отмахнулась от навязчивой тревоги – все нервничают перед свадьбой, она не должна поддаваться панике. Да, жизнь не будет прежней, но она готовилась к этим переменам.

Хотела ли она их? А хотела ли Инари отдаваться Ватацуми и рожать для него первого императора Шинджу? История сотворила традиции, а они диктуют уклад. Значит, так верно. Что верно – то не должно беспокоить её ум. Она станет достойной женой своему мужу и родит ему прекрасного наследника.

Но почему от этой мысли становится так тоскливо?

Учитель смотрел строго, выжидательно. Молчание затянулось дольше всех норм приличия.

– Прошу прощения, учитель. Я внимательно вас слушала и знаю эту историю.

Акихиро медленно кивнул – длинная борода покачнулась. Он собрал со стола свитки, которые так ни разу и не раскрыл за время урока, и поднялся на ноги.

– Киоко-химэ, – в старческом голосе теперь звучала забота. – Беспокойства ваши все на лице написаны. Аккуратнее думайте. Кому-то может не понравиться, что вы сомневаетесь.

Киоко кивнула, стараясь не выдать своего удивления, но лицо против воли дрогнуло. Учитель никогда не отличался особой проницательностью. Наоборот, он не обращал внимания даже на её детские выпады, а все опасные вопросы, которые она когда-то имела неосторожность задавать, поворачивал в нужную ему сторону.

Так, однажды она спросила, почему девушки не могут править страной. На лице учителя появилась добрая улыбка: «Конечно, могут, Киоко-химэ, конечно, если будут чтить традиции, уважать прошлое и знать историю своего рода». А затем он улыбнулся ещё шире и добавил: «Такая девушка сможет выйти замуж за твоего брата и стать женой императора, матерью преемника, чтобы править страной через потомков».

Сначала Киоко думала, что учитель так подшучивает над ней. Но со временем стало понятно: старик свято верил в то, что говорил.

Как-то раз отец поручил своему советнику понаблюдать за успехами принцессы и, как она позже узнала, заодно проверить, не утратил ли ещё Акихиро-сэнсэй способности к обучению. Старик не выказывал никакого волнения, уверенный в своём деле, а вот Киоко распереживалась. Она всегда боялась семью Сато, а их глава Мэзэхиро-доно и вовсе нагонял на неё ужас одним своим видом. Правда, волнения улетучились уже через один коку[3] – когда Киоко впервые услышала от пожилого учителя легенду о сотворении людей. Тогда она, десятилетняя

---

[2] Сёгун – старший военачальник, в данном случае одновременно великий министр и советник императора.

[3] Коку – мера времени, примерно равная получасу. Четыре коку составляли время одной стражи. Всего стражей в сутках – двенадцать, смену каждой знаменует бой барабана.

девочка, которая упрямо не хотела усваивать нормы приличия и ещё не подозревала, к чему может привести свободное высказывание мыслей, озадаченно спросила:

– Акихиро-сэнсэй, а почему Ватацуми не рассказал Инари всю правду и не спросил у неё, вдруг она бы и так согласилась? Зачем обманул, сделал так, что она осталась должна?

Киоко по сей день помнит хмурый взгляд сёгуна. Его лицо перекосило от гнева, и взгляд, полный осуждения и готовности вынести приговор, впился в учителя. Стоило отдать должное Акихиро-сэнсэю: все морщинки на его лбу остались неподвижны. Он улыбнулся той самой доброй улыбкой и ответил своим неизменно поучительным и снисходительным тоном, которым взрослые разговаривают с маленькими детьми:

– Вы правы, Киоко-химэ, – при этих словах лицо Мэзэхиро-доно вытянулось ещё сильнее, но учитель не обратил на это внимания и продолжил, – мог он, без сомнений, и рассказать, и помощи просить, просить навстречу пойти. Так поступила бы женщина. И потому вы будете прекрасной женой, раз задаёте такой вопрос. Другое дело, что Ватацуми – бог, дракон, владыка моря, что омывает наши земли. Как и все мужчины страны Шинджу – его потомки, – под своей невероятно изящной чешуёй он скрывает честолюбие и властность. Мужчины не просят, они берут. Но берут мягко, играючи, никогда не силой. Другое дело – женщины, дочери богини Инари: просят у сильных мужчин и благодарят их за доброту, за поддержку и помощь.

Учитель умело перевернул слова Киоко и вмиг превратил её в глазах сёгуна из мятежницы, везде видящей несправедливость, в кроткую и послушную девочку, которая и мыслит по-девичьи, а значит, что с неё взять.

Со временем она даже себе перестала задавать неудобные вопросы – те, что ставили под сомнение традиции и общий уклад жизни. Хотя иногда в голову лезли непрошеные мысли. Киоко годами изучала культуру своего государства, училась чтить её и убеждала себя, что ей повезло родиться принцессой в этой богатой и величественной стране. Стране, которую выбрал дракон. Но иногда, особенно тёмными вечерами, когда солнце давно скрылось за горизонтом, дворец же затих и уснул, в окружении подушек и одеял она чувствовала невыносимую тоску. Будто всё в жизни неправильно. Будто она рыба в тесном ящике. В красивом, обшитом многими слоями дорогих полупрозрачных тканей, словно выстланном всеми её нарядами, ящике, за стенками которого от неё прячут море.

Днём такого почти не бывало. Только изредка отголоски грусти по неизведанному могли случайно пробиться наружу, но вскоре забывались за учёбой и мирно текущей жизнью. Так неужели эти мгновения сомнений так ясно отражаются на её лице?

Киоко заставила себя выпутаться из липкой паутины воспоминаний, опустила глаза и тихо согласилась:

– Вы правы, Акихиро-сэнсэй. Спасибо за этот урок.

Старик учтиво поклонился и вышел, оставив Киоко наедине со множеством мыслей и абсолютным непониманием, как эти мысли усмирить, раз вежливая улыбка оказалась недостаточным прикрытием.

Стоило Киоко выйти из кабинета, как мимо пронёсся чёрный вихрь, едва не сбив её с ног.

– Норико! Ты чего так носишься? Это ведь дворец, ходи чинно, как и подобает императорской кошке. Двор и так меня недолюбливает, не подавай им новых поводов.

Вихрь развернулся на полной скорости и врезался в правую ногу девушки. Кошка потёрлась о её лодыжку и тихонько проурчала, так, чтобы не услышал никто посторонний:

– Во дворце всё вверх дном перевернули.

Киоко тут же понизила голос.

– О чём ты говоришь?

– Кто-то из слуг пошёл за Кусанаги для завтрашней церемонии, – на кошачьей морде заиграла ухмылка, – а его нет.

– Подожди, что значит нет? Как нет?

– То и значит – нет, – голос Норико оставался спокойным, но Киоко не могла разделить эту невозмутимость. Никто, кроме императора и хранителей, не знал, где находится меч Кусанаги. Его и доставали всего раз в несколько лет – когда приходит пора передать трон новому императору или сыграть свадьбу одного из членов правящей семьи.

– То есть его потеряли?

– Нельзя потерять то, что не успел взять, – резонно заметила Норико. – Скорее украли, – она задрала хвост и направилась дальше по коридору. – Идём, поговоришь с императором, спросишь, в чём дело. Мне тоже интересно.

– И как ты это себе представляешь? «Отец, я тут поговорила со своей кошкой…»

– Не вздумай! – зашипела она, перебивая.

– Шучу я, шучу, – Киоко не сдержала смешок. – Что я буду делать, если тебя убьют?

Норико ничего не ответила, только раздражённо дёрнула хвостом и ускорила шаг.

Они вошли в императорские покои – ту часть дворца, которая отводилась под спальни правящей семьи, – и оказались в суматошной толпе прислуги, сновавшей туда-сюда. Эта суета резко контрастировала с привычным размеренным порядком. Коридоры, где обычно царила тишина, нарушаемая лишь редким шёпотом, теперь гудели множеством голосов, и в этом шуме невозможно было разобрать ни слова.

Киоко подхватила Норико на руки, чтобы ей случайно не отдавили хвост. Однажды неуклюжая служанка по неосторожности прищемила кошке лапу, и лекарь потом несколько коку зашивал бедняжке лицо. Ей повезло, что Киоко успела остановить Норико, иначе девушке было бы не миновать смерти. Служанка с тех пор не появлялась в этой части дворца – видимо, попросила определить ей новое место, и правильно поступила. Никто не смог бы пообещать, что Норико опять не нападёт на неё при встрече: не из мести, так из простой вредности.

Натура бакэнэко сначала злила Киоко, но годы дружбы сделали их терпимее друг к другу. Норико научилась слышать её, уважать людей и вовремя останавливаться, а Киоко окончательно приняла сущность странной кошки. Почти окончательно. Она старалась не думать, что эта кошка может в любой момент перегрызть кому-нибудь горло и превратиться в свою жертву. Она могла бы убить и Киоко, принять её облик и прожить жизнь принцессы Шинджу, но почему-то не делала этого. Киоко надеялась, что причина тому – их дружба и большая любовь Норико, но что-то подсказывало, что кошке просто претит дворцовая жизнь и тьма ограничений, которая этой жизни сопутствует.

Киоко вошла в свою комнату и закрыла дверь. На сёдзи[4] то и дело ложились тени слуг, мельтешащих снаружи, но в спальне ей стало легче, и она выпустила Норико из рук.

– Кому вообще мог понадобиться этот кусок железа? Ни красоты, ни ценности, кроме связи с древней легендой.

– Понятия не имею, – кошка уселась в дальнем углу и стала остервенело вылизывать грудку: так она всегда пыталась смыть с себя «человечину», если сталкивалась со слишком большим количеством людей. – Но твоё замужество будет отсрочено.

– Почему?

Норико опустила лапу на пол и укоризненно посмотрела на Киоко.

– Если не ошибаюсь – а я точно не ошибаюсь, – этот кусок железа является неотъемлемой частью свадебного ритуала. Никакой другой меч его не заменит. Думаешь, император пренебрежёт многовековой традицией, выдавая дочь замуж? Он же верен Ватацуми как никто! Вот увидишь, свадьбы не будет, пока Кусанаги не найдут.

Киоко почувствовала, как в груди распускает нежные лепестки цветок надежды.

– Ты права, Норико. Мне и правда стоит поговорить с ним.

---

[4] Сёдзи – перегородка из бумаги васи и деревянной рамы.

Говорить с отцом Киоко решила до обеда. Разговаривать с императором Мару во время еды было бы верхом неприличия, несмотря на семейные узы, поэтому она вышла на прогулку в сад, как раз туда, где дорожка из Светлого павильона, служившего залом для обсуждений государственных вопросов, вела во дворец Лазурных покоев – дом императорской семьи. На выходе Киоко едва не столкнулась с самураями, но вовремя свернула на тропинку, скрытую от посторонних глаз пышными розовыми кустами. Наверняка отец послал к ней охранников, но сейчас это могло навредить её маленькому плану.

Дождавшись, когда самураи скроются в тени галереи, она направилась к нужной дорожке. Киоко была мастером *случайных* встреч с императором. Ещё в детстве она поняла: хочешь внимания отца, который занят управлением страной, – изучи его расписание и позволь судьбе столкнуть вас в саду, на пути от одного важного дела к другому. Конечно, девять из десяти мимолётных встреч ограничивались улыбками и поклонами – отец редко бывал один, – но на десятый раз им всё-таки удавалось поговорить.

Киоко успела заметить, как от входа удаляются Мэзэхиро-доно и несколько даймё[5], приглашённых в столицу на праздник. Значит, и отец вскоре должен появиться. И раз его вечный спутник сёгун покинул Светлый павильон, шансы на беседу резко возросли. Так что, выйдя на нужную дорожку, Киоко приняла беззаботный вид и стала неспешно прогуливаться в ожидании среди любимых цветов.

Сад Божественных источников невозможно не любить. Любой житель Шинджу отдал бы целое состояние за возможность оказаться здесь, но для Киоко он значил гораздо больше, чем для обычного посетителя. Сад был её домом, в котором она чувствовала жизнь глубже и полнее, чем где бы то ни было. Её притягивала сюда не только красота – часть её души была навеки связана с этим местом.

В детстве они с мамой всегда гуляли по саду и наблюдали за жизнью растений. Здесь были собраны самые необычные цветы и деревья, привезённые из всех уголков Шинджу. Каждый из них – источник дыхания Аматэрасу, солнечной богини. И пусть Киоко перестала любить око, молчаливо взирающее сверху, она всё ещё любила цветы – не было причин для иного.

Некоторые из них когда-то росли в западной части острова, но после войны там не осталось ничего, кроме выжженного рубца на теле империи. Теперь же этими цветами можно было полюбоваться лишь здесь, в императорском саду. И иногда – обычно когда вся семья Миямото в отъезде – сюда допускали подданных и приезжих, чтобы они смогли хотя бы раз узреть эту редкую красоту.

Сейчас сад благоухал и радовал глаза несчётным количеством красок. Киоко наклонилась и, залюбовавшись пыльным розовым цветом, погладила нежные лепестки. Во время прогулок с мамой она училась понимать утончённый язык цветов, самое важное искусство, – и это были её любимые уроки. В Шинджу никто не говорил о чувствах прямо – для этого существовала поэзия и цветы. Искренность и прямота – скорее порок, чем подарок: нет ничего изящного в признании, если оно не выражено бутоном и приложенной запиской.

Роза говорит о чувствах, но все определяет цвет: ни одна девушка не хотела бы получить от возлюбленного розовую розу – в ней нет ни нежности, ни искренности, лишь дань традициям. Невинный белый цвет показывает верность воина. Киоко часто получала белые розы от старшего брата Хидэаки. Она же всегда дарила ему жёлтые – знак дружбы и преданности.

Киоко прошла чуть дальше и остановилась у камелий. Вот чем можно выразить истинную любовь. Это верно для всех, кроме самураев. Для них красная камелия – то же, что для других красная роза. Слишком избито, слишком поверхностно. Жёлтая или белая подошли бы лучше,

[5] Даймё – в Шинджу правители областей, как правило представители побочных ветвей правящей семьи Миямото.

но ни страсть, ни томление не таят в себе должного уважения. С этими цветами чаще посещают девушек из квартала удовольствий, чем возлюбленных.

От своего жениха, с которым была помолвлена с самого рождения, Киоко в первый раз получила цветок, который редко встретишь в чьих-то руках, – белый нарцисс, символ глубочайшего уважения. Он удивил всех, но вовсе не так, как Киоко того хотелось. Иоши до двенадцати лет не оказывал ей знаков внимания, что было воспринято всем двором как возмутительная грубость. Дворец полнился слухами сначала о том, что сын сёгуна не знает приличий, а затем, увидев, как он преподносит принцессе нарцисс, придворные дамы зашептались в ещё большем негодовании: мальчишка, верно, издевается. Они видели в этом злую иронию, насмешку над невестой. Хотя мало кто из знати любил саму Киоко, правила всё же должны быть соблюдены. А подобное пренебрежение было хуже измены, ни одна женщина не пожелала бы подобного даже злейшему врагу.

К тому времени, как Иоши преподнёс Киоко нарцисс, она, наслушавшись от Норико сплетен, которые та собирала по всей округе, и видя равнодушие жениха, уже уверилась в отсутствии у него каких-либо чувств и мучилась от необходимости выйти замуж за такого сухого и нечуткого человека. Но первый цветок всё-таки появился. Киоко получила то самое внимание, которого ей недоставало, но она совсем не ожидала получить от жениха подобный цветок. Она поблагодарила Иоши и ничем не выдала досады, но решила больше не рассчитывать на чувства. Киоко старательно гнала из головы все мысли о свадьбе, сосредоточиваясь на учёбе. В тот год она даже попросила Акихиро-сэнсэя давать ей больше заданий, больше свитков на изучение и всегда спрашивать пройденное.

Вскоре она убедилась в верности своего выбора – целый год от Иоши не было никаких личных знаков внимания, только обязательные поздравления с праздниками, в честь которых все одаривали семью императора. Зато тысячелетняя послевоенная история увлекла её настолько, что Киоко то и дело посещала павильон Памяти – императорский архив – в поисках новых сведений. Многое не сходилось в её голове, и чем глубже она погружалась в исследования, тем больше вопросов у неё возникало. Она даже пыталась отыскать что-нибудь о военных и довоенных временах, но выудить истину из легенд и домыслов оказалось непосильной задачей. Это увлечение, несвойственное большинству жителей дворца, предпочитающих не помнить о войне и ёкаях, не осталось незамеченным. Киоко чувствовала, как ширится пропасть между ней и другими ученицами дворца, которые прилежно изучают поэзию, каллиграфию и живопись. Пока они танцевали, учились играть на фуэ и читали свитки со стихами северных поэтов, Киоко всё глубже погружалась в прошлое острова, его предания и белые пятна утерянных событий. Удивительно, но учитель поддерживал её интерес, раскрывая перед ней всё новые события, пересказывая легенды и предания, заставляя перечитывать некоторые из них по несколько раз. В конце концов Киоко перестала волноваться из-за того, что её увлечения отличаются от занятий других девушек. Пусть в Шинджу, где вот уже тысячу лет царил мир, не разделяли её интерес к тёмным временам, она не страдала от одиночества. У неё уже была Норико, и если другие хотят считать её странной – что ж, остаётся только принять это с достоинством.

Так было до тех пор, пока Киоко не заметила плохо скрываемую скуку своих наперсниц, с которыми обучалась. Акихиро-сэнсэй принёс новые свитки на изучение – о временах пятого императора, окончании войны и зарождении мира между людьми и ёкаями, но в обсуждении уже который урок кряду участвовала она одна. Тогда Киоко решила завершить общие уроки и попросила Акихиро-сэнсэя выделить время только для неё – и тот не смог отказать дочери императора. С тех пор Киоко училась в полном одиночестве во дворце Лазурных покоев и в павильоне Памяти, и больше ничто не отвлекало её от блужданий по лабиринтам истории.

На её тринадцатый день рождения Иоши снова появился с цветком, тем же белым нарциссом. И на четырнадцатый, и на пятнадцатый. Но Киоко уже не придавала этому никакого

значения, да и придворные дамы с каждом годом издавали всё меньше неодобрительных вздохов во время дарения, смирившись с неудачной судьбой принцессы.

Завтра ей шестнадцать. И у них должна была состояться свадьба, к которой Киоко готовили всю жизнь. Возможно, и состоится. И если так, она выйдет за Иоши замуж, даже если он к ней ничего, кроме уважения, не испытывает. Даже если и это уважение – действительно злая шутка. В конце концов, они друг для друга почти незнакомцы. Кто знает, как сложится потом…

Киоко отстранилась от цветущего куста и посмотрела вдаль – туда, где блестела гладь священного озера Кокоро. Если она всё же выйдет замуж, то сделает всё, чему так долго и тщательно обучала её Аими-сан. Она станет хорошей супругой и матерью. Несмотря ни на что.

Некоторое время спустя из Светлого павильона вышел император в сопровождении двух самураев из его личной охраны. Киоко тут же слегка улыбнулась, якобы позволяя себе беспечность от счастья наблюдаемой красоты и изменяя своей обычной женской сдержанности. Она развернулась к ним спиной и медленно зашагала к галерее, ведущей в обеденный зал, зная, что на полпути её обязательно нагонят. Но через несколько шагов до Киоко донеслись голоса, и она едва не сорвала свой маленький спектакль. Отец что-то обсуждал с самураями – разговора не получится. Даже её мать никогда не осмеливалась вмешиваться в дела императора и тем более перебивать его во время важных бесед.

Кто-то заторопился – она услышала тяжёлую поступь: так бегают только воины в полном облачении. Обычно в пределах дворца императорская охрана носила облегчённые доспехи, но исчезновение Кусанаги перевернуло здешнюю жизнь, и теперь каждый был готов к сражению в любое мгновение, будь то время ослепительной Аматэрасу или её бледного брата Цукиёми, не способного осветить этот мир.

– Киоко-химэ, – самурай нагнал Киоко, встал перед ней и низко поклонился. – Император желает вас видеть.

– Ох, отец хочет со мной поговорить? – она улыбнулась своей самой очаровательной из всех вежливых и в меру сдержанных улыбок. – Не будем заставлять его ждать.

Медленно обернувшись, она встретила взгляд отца – и улыбка стала шире. Не позволяя себе ускорить шаг, Киоко направилась к нему, стараясь не выдавать раньше времени обеспокоенность исчезновением Кусанаги.

– Киоко, – сурово произнёс отец, стоило ей приблизиться, – ты почему одна? Где твоя прислуга? Где твоя охрана, где самураи, которых я послал к тебе?

– Первейший, – Киоко поклонилась. – Мне хотелось побыть наедине с моими мыслями, и я не стала тревожить прислугу. К тому же розы скоро отцветут, нельзя было упускать такую возможность. А суровость воинов несколько портит вид, – она обвела рукой сад и мягко улыбнулась.

– А знаешь, что ещё может испортить вид? Твоя отсечённая голова.

Император хмурился, глядя на дочь, и от его слов и этого взгляда у неё в груди предательски заскребли острые когти сомнений. Она действительно не заботилась о своей безопасности: дворец всегда был её крепостью, надёжно укрывающей глинобитной стеной от любого зла, его двенадцать ворот всегда тщательно охранялись. Но ведь зло как-то сумело проникнуть…

– Киоко, – отец заговорил мягче, и она почувствовала облегчение, – мы все ошибались насчёт безопасности дворца. Пока не найдём того, кто украл Кусанаги, не стоит быть такой беспечной. До тех пор я прошу: подчинись и позволь самураям тебя охранять. И почему они вообще тебя послушали? Я ведь отдал чёткий приказ – не покидать тебя, что бы ни происходило.

– Видимо, «что бы ни происходило» не включает мой побег до их прихода. Возможно, наших воинов не обучают маленьким женским хитростям. Стоит подумать об этом, если мы

хотим улучшить армию империи, – она снова улыбнулась, пытаясь смягчить ситуацию и надеясь, что самураям не придётся поплатиться за то, что ей удалось от них скрыться.

– Поведение, недостойное принцессы, – он покачал головой и двинулся ко входу в обеденный зал. – Но твоя мама была такой же. Никогда меня не слушала. Её могли бы казнить за измену по меньшей мере десяток раз, если бы она не была моей женой.

Киоко последовала за ним, сохраняя свою улыбку. Ей всегда нравилось слушать, как отец говорил о матери. Эти разговоры – то немногое, что воскрешало её тепло хотя бы в памяти, – были слаще бобов в сахарной глазури.

– Но за это я её и любил. Она была достаточно мудра, чтобы оставаться покорной и всё же не наскучить мне за все годы, проведённые вместе.

– Ты знаешь, что ты единственный император за всю историю, который оставался верным супругом? Возможно, ты единственный во всём дворце, кто не интересуется другими женщинами.

– О да, до меня долетали эти слухи, – он усмехнулся. Такие редкие улыбки отца согревали сердце сильнее тысячи солнц.

– Я всегда восхищалась твоей любовью и мечтала, что мой муж будет хотя бы вполовину так же хорошо относиться ко мне, как ты к маме. Но… – она запнулась. Киоко не обсуждала свои переживания ни с кем, кроме Норико. Да и зачем императору знать о её сомнениях? Решение было принято шестнадцать лет назад, отступать всё равно некуда.

– Уверен, так и будет. Иоши вырос в прекрасного мужчину, он сумеет позаботиться о тебе должным образом.

Наверняка сумеет. В этом у Киоко не было сомнений. Но заботиться из чувства долга и по собственному желанию – всё же разные вещи. Первое люди делают для себя, чтобы выглядеть достойными в своих и чужих глазах. Второе – для тех, кого опекают, невзирая на то, как их забота выглядит со стороны. Так отец заботился о матери. Наперекор всем устоявшимся традициям он был искренним, открытым и верным мужем. Три качества, презираемых в столице Шинджу – Иноси, – он вобрал в себя и показал Киоко, что любовь состоит не только из придворных игр, а может быть гораздо глубже. Но, по всей видимости, император был единственным на всю столицу. Ждать того же значило обречь себя на вечное одиночество, так что Киоко отбросила эти мысли и задала вопрос, ради которого затеяла эту случайную встречу.

– Мне не доложили о решении по поводу завтрашней свадьбы. Она состоится без Кусанаги?

– Это мы и обсуждали на совете в числе прочих… кхм, событий. Свадьбы не будет. Мэзэхиро-доно настаивал, но нельзя связывать судьбы без меча, на нём произносятся клятвы перед Ватацуми. Я не представляю, как можно заключить брак без этой церемонии.

– Но это ведь не единственная церемония. Как же священные сосны? – Киоко не хотелось отступать. С одной стороны, свадьба с Иоши казалась не особенно счастливым событием, но не выйти замуж вовсе…

– Оба ритуала неразрывно связаны. Нельзя сделать дело наполовину и думать, что всё в порядке. Но ты не волнуйся. – Они вошли в обеденный зал, где воздух уже пропитался ароматом жареных грибов и водорослей. – Кусанаги быстро найдут. Не так легко спрятать большой вычурный цуруги, да ещё такой тяжёлый. Самураи уже обыскивают горожан. И когда меч вернётся к нам, всё пойдет своим чередом.

* * *

– Ты не выглядишь счастливой, – Норико вышла из-за пышной азалии и принюхалась к цветку. – Кстати, её лучше полить. Кая явно не очень ревностно ухаживает за твоими расте-

ниями. Может, лучше попросить садовника? Он кажется мне милым старичком. И вы вроде ладите.

– Да, неплохая идея, – рассеянно кивнула Киоко, усаживаясь на кровать. – Ну и с чего мне быть счастливой? Я теперь понятия не имею, что делать.

– Да брось ты, учи дальше свою историю. Зато никто не будет мешать. И переселяться нам не надо. Вдруг тебе во дворце сёгуна не выделят собственной спальни, чтобы ты спала только с мужем? Или!.. – Норико замерла, а затем возбуждённо прыгнула на кровать, поставила передние лапы на колени Киоко и вперилась расширенными зрачками в её глаза. – Вдруг этот Иоши вообще против кошек? Я вот не думала об этом, а сейчас подумала. Ты бы обсудила с ним, что я прилагаюсь к принцессе!

– Обсудила бы, если бы вышла замуж.

Киоко успокаивающе погладила Норико по холке, отчего та послушно улеглась и продолжила бормотать вперемешку с урчанием:

– Да ты его даже не любишь. Вы вообще за все шестнадцать лет толком друг с другом не говор-р-рили. Вдр-р-руг он на ужин ест суп из детских голов?

Киоко устало усмехнулась.

– Ещё один ёкай в моей семье? Нет уж, благодарю, хватит мне зловещей кошки.

Тайны посланник хранит

Мэзэхиро вскочил в седло и поскакал прочь из столицы, подгоняемый криками своего войска. У него есть сутки до дня рождения принцессы, чтобы отыскать того, кто посмел бросить тень на его честь. Он обязан найти преступника, посягнувшего на святое, незамеченным забравшегося в павильон Благословенных Волн, где хранятся реликвии. В место, за которое Мэзэхиро отвечает своей жизнью.

Он пока не говорил об этом самураям, но сам подозревал – люди на такое не способны. Значит, это были ёкаи. Отродья добрались до святыни. После войны с ними заключили мир, им позволили остаться, позволили жить среди людей, дали пищу и кров. А эти… твари!.. Эти твари посмели вломиться во дворец – единственное место, что оставалось для них запретным.

Но Мэзэхиро лгал самому себе, когда так решительно исключил людей и сосредоточил всю свою ненависть на ёкаях. Был ещё один вариант, верить в который ему совсем не хотелось.

Это мог быть человек.

По всему острову расселились кланы шиноби – почти в каждой деревне жили наёмные убийцы. Самураи редко с ними встречались, но, когда встречались, гибли чаще врагов. Потому что у шиноби нет чести. Эти люди хуже чудовищ. Они прячутся под гримом, париками и платьями, крадутся в ночи, берут чужие имена, а затем, подобравшись так близко, как только возможно, вонзают нож в сердце самурая, лишая его возможности погибнуть с честью в открытом бою, защищая господина.

История утверждает, что всё началось ещё во время войны. Это были те немногие крупицы знаний, что удалось сохранить и передать следующим поколениям. Уже тогда самураи гибли в собственных постелях, пленённые чарами куноичи. Отравленные чаи и поцелуи, танцы с режущим веером, которым вскрывали глотки. Пока шла война – не было сомнений в том, что за обликом красавиц прячутся ёкаи, соблазняя воинов и ослабляя таким образом войско противника. Умирали, как правило, самые преданные самураи, которые либо служили при дворце, либо воевали на передовой. Со временем император, следуя советам первого сёгуна, издал указ, запрещающий всем, кто сражался за Шинджу, сходиться с женщинами. Любые встречи стали под запретом. Воины даже перестали посещать собственные семьи, чтобы никто не смог использовать против самурая облик его возлюбленной.

Благодаря дарам Ватацуми – Сердцу дракона и мечу Кусанаги – война с ёкаями в конце концов закончилась, но воины продолжали умирать в собственных домах или в спальнях любовниц. Тогда-то и стало ясно, что бояться стоило не только нечисти из-за моря.

Если Кусанаги украли шиноби, то наказать их будет проще: чтобы убить людей, божественный клинок не нужен. Но это будет унижением, после которого невозможно продолжать жить и служить империи. Можно простить себе проникновение ёкая: никто не был готов к нападению оборотня. Но упустить человека и позволить смертному похитить самую ценную реликвию дворца…

Мэзэхиро мотнул головой, избавляясь от навязчивых мыслей, и сосредоточился на дороге. Он воин. Воин не должен переживать о том, что было. Воину следует сделать всё, что он может сделать, с тем, что он имеет, там, где он есть. То есть найти вора – будь то ёкай или человек, – наказать его и вернуть Кусанаги во дворец. И сын Мэзэхиро наконец женится на Киоко. Выполнит долг, с которым был рождён.

Самураи миновали несколько деревушек, ютившихся возле столицы, заходя в каждую придорожную идзакаю. Раньше это были лавки, где продавали саке, но владельцы давно поняли, что люди предпочитают пить, не выходя за порог, поэтому постелили татами, расставили несколько столиков и превратили свои лавки в идзакаи – дешёвые заведения, где гости могли отдохнуть с чашечкой саке.

Конечно, Мэзэхиро мог бы не ехать сам. Он мог бы и не брать лучших самураев. В любой другой ситуации он отправил бы несколько вчерашних учеников с младшим военачальником допрашивать местных. В любой другой, но не сейчас.

В этот раз речь идёт о Кусанаги – единственном оружии против ёкаев. Именно поэтому Мэзэхиро взял лучший отряд, приказал надеть простые доспехи и притворился младшим военачальником сам. Он хотел лично услышать каждую историю местных, готовый распознать любую ложь и любую попытку скрыть правду.

Но пока все разговоры заканчивались тем, что деревенские пьяницы разводили руками. Похоже, боги сегодня не даровали ему удачу.

Оставив деревни позади, самураи отправились по тракту к ближайшему придорожному рёкану. Их построили специально для купцов, что со всех областей и провинций съезжаются в Иноси к праздникам.

«Золотая лиса» – самое приличное место в округе. Ближайшее к столице. На подступах к торговому сердцу империи собирались самые богатые и влиятельные люди – владельцы мануфактур и фабрик из Северной, Восточной и Западной областей. Иногда даже из Морской заглядывали, хотя жители острова Дзифу, отделённые от всех заливом Комо, предпочитали не покидать свою малую родину.

Купцы неизменно останавливались здесь и проводили несколько страж – а не особо прихотливые могли задержаться и на пару-тройку ночей, – рассказывая друг другу и местным завсегдатаям байки родных провинций. Торговцы – самые болтливые люди. Они ездят по Шинджу и знают всё обо всём. А пьяные торговцы – подарок судьбы для всякого, кто хочет узнать то, о чём не ведут светские беседы.

Мэзэхиро свистнул и спешился. Тринадцать самураев последовали его примеру.

– Господа, господа! – к ним подбежали трое мальчишек и неуклюже поклонились. Самый высокий потянулся к поводьям. – Позвольте поухаживать за вашими лошадьми!

Мэзэхиро бросил им три серебряные монеты – всем по одной, отчего ребята переглянулись и попробовали каждую на зуб, явно не веря собственным глазам, – и бросил через плечо, скрываясь за дверью:

– Хорошенько вычистите и накормите. Их ждёт долгий путь.

Внутри было малолюдно: почти все торговцы уже добрались до столицы. Они не могли пропустить свадебную церемонию принцессы, ведь в честь неё было организовано пышное празднество, на фоне которого меркла даже ежегодная Ночь огней. И конечно, частью этого события была ярмарка. Самая крупная ярмарка за последние шестнадцать лет – после той, что император устроил в честь появления принцессы на свет.

– Господа, я присяду?

– Самурай… хк? – один из купцов был уже явно не в состоянии поддерживать беседу. Но именно такие Мэзэхиро и нужны.

– Глупец, глаза разуй! Это командир! – второй мужчина, старше и опрятнее, суетливо привстал и поклонился, пока Мэзэхиро устраивался на полу напротив парня – тот моргал, безуспешно пытаясь сфокусировать взгляд. – Простите его, господин, что с пьяницы взять. Глаза раздупли, дурень. А вы за данью? Не знал, что на подходах собираете! Мы при воротах всегда отдаём. Но если надо сейчас, так мы конечно, всё в повозке… – он снова неуклюже поднялся, задев стол, и чуть не опрокинул выпивку на пол. Его приятель недовольно замычал.

– Не суетись. Налог отдадите на въезде, как и всегда. Я здесь не за этим. Как тебя зовут?

Купец заметно расслабился и сел обратно.

– Мичи. Ямагучи Мичи.

– Ямагучи? Из Западной области, что ли? – Мэзэхиро слегка прищурился.

– Нет-нет! Отец отца моего отца был внуком Ямагучи Наои, тот родился на западе, но сумел перебраться с семьёй на север.

– Что ж, твой предок был умён, – кивнул сёгун. – Не переживай так. Отчего же распереживался? Лучше принеси выпить, а?

– А? – бедняга обвёл глазами зал, заполненный самураями, которые уже заняли все свободные столики, и нервно сглотнул. – Всем?

– Они на службе. Возьми для нас. На вот, этого хватит, – он бросил две монеты и кивнул в сторону хозяина. – Пусть расщедрится на лучшее саке, понял? Проследи.

Купец спешно поднялся, поклонился, потом поклонился ещё раз и, крепко зажав монеты в кулаке, тут же скрылся.

– Ну что, парень, любишь выпить, а? – Мэзэхиро улыбнулся пьяному соседу. Тот непонимающе вытаращился, пытаясь поймать взгляд нового собеседника, и икнул.

– Мы ж торго-о-овцы, – он наклонился вперед и грохнул локтями об стол, – понимаешь? Нам туда-а-а, сюда-а-а, – он замахал руками в такт растягивающимся гласным, – и это неде-е-ели. А ка-а-ак, как тут недели трезвым, а? Х-ик! – он пожал плечами. – Никак, – опять взмахнул руками и откинулся назад, упёршись ладонями в пол.

– Разве ж в дороге скучно? Вы, верно, многое повидали.

– О-о-о, – пьяница запрокинул голову. – Видали. Такое повидаешь – жить – х-ик! – не захочешь!

– Да ну?! – теперь пришёл черёд Мэзэхиро наклоняться ближе.

– Говорю-ю-ю… По тракту долго ехать, мы через лес сокра… скра… – он с шумом выдохнул и произнёс, выделяя каждый слог: – Со. Кра. Ща. Ем.

– Это как же?

– По Тенистой тропе-е-е. Там что не увидишь!

– Что? – сёгун едва сдерживал свой интерес. Ему хотелось вытрясти из пьяницы всё поскорее, но он знал, что в таких случаях только терпение помогает добиться действительно важных сведений.

Пьяница осторожно осмотрелся и понизил голос.

– А где этот? Ну, этот…

– Друг твой? За саке пошёл.

– Саке-э-э, – протянул он мечтательно.

– Будет тебе саке. Так что видели?

– Он мне не верит, – пьяница махнул рукой. – Говорит, я напился. Привиделось. А я уже трезвый тогда – х-ик! – трезвый был! – он подался вперёд и теперь дышал Мэзэхиро прямо в лицо. – Я видел там… – он снова осмотрелся и, только убедившись, что никто не стоит рядом, сипло договорил, – волка.

Мэзэхиро недоверчиво отстранился.

– Волка? Их со времён войны не видели. Они вымерли тысячу лет назад.

– Я тебе – х-ик! – извините, вам, говорю. Это был волк. Оками. Своими глазами видел. Как вас сейчас.

Мэзэхиро встал, осмотрел пьяницу и положил перед ним монету.

– Лучше купи себе еды или детям чего, ладно? И домой возвращайся по тракту. Нечего по Тенистой тропе шастать.

– Господин, уже уходите? Саке… – вернувшийся Мичи подошёл к столику и неловко приподнял распечатанную бутылку.

– Саке я возьму с собой, – Мэзэхиро забрал бутылку, налил рюмку мужчине, его болтливому другу, а остальное перелил в дорожную флягу, намереваясь вылить дешёвое пойло, как только они отъедут. – Хорошей торговли!

Тот ничего не ответил, только глупо моргнул. Похоже, здесь ещё долго будут пересказывать байку о щедром командире, что лично налил простому купцу саке. Хотя для этого Мичи должны поверить…

Лес, упомянутый пьяницей, разросся от севера Иноси к центральной части острова. Тракт был длиннее и шёл по безопасному восточному побережью через крупные города. А где не было городов, стояли селения поменьше, между которыми устроились идзакаи и рёканы – постоялые дворы со всеми удобствами. Центр острова был не таким дружелюбным. Густой лес, дикие звери и, возможно, кое-кто пострашнее. Конечно, и там встречались вырубленные полянки, где ютились жилища отшельников, но всё же это было опаснее тракта. Кто знает, каким безумцам взбрело в голову поселиться на опушке зловещего леса? Едва ли эти люди безобидны.

Тенистой тропа звалась не просто так – нависшие над ней раскидистые ветви почти не пропускали солнечных лучей. Самая короткая дорога к северу, но самая опасная и малохоженая. Редкие смельчаки – или отъявленные жадные пьяницы – выбирали её, чтобы сэкономить время в пути, истратить меньше припасов на дорогу и получить больше прибыли со столичной ярмарки.

– Господин, куда дальше? – тринадцать лучших самураев империи смотрели на него в ожидании.

Лошадей уже вывели. Чистые и сытые, они довольно притопывали копытами и, слегка пофыркивая, подставляли лбы под пальцы своих хозяев.

– В место, недоступное для ока Аматэрасу.

О центральной части Шинджу ходило немало легенд. Говорили, люди там живут дикие, не молятся Ватацуми и поклоняются лесному духу. Но Мэзэхиро не верил россказням, хотя и запоминал их все, чтобы потом проверить наиболее подозрительные и, возможно, не бессмысленные.

Достигнув кромки леса спустя три коку, он затылком ощутил, как его небольшое войско словно стало ещё меньше, усохло под гнётом страха. Пока они вглядывались в тьму между стволами, казалось, тьма так же пристально изучает новых гостей, забираясь им под кожу, заставляя содрогнуться.

Этот лес звался Ши. Кто-то говорил, что это имя от первого слога Шинджу, кто-то – что название лесу дали его обитатели, чтобы туда никто не совался. Согласно легенде, Ши был бесплотным духом смерти, пронизывающим всё, чего не касаются лучи солнца.

Лошади заржали и беспокойно затоптались на месте, когда поняли, что их направляют в этот непроглядный мрак. Мэзэхиро спешился. Хотя скакуны самураев были известны своим бесстрашием и даже злобой – из-за чего никто никогда не осмелился бы украсть такого коня, – даже они трусили перед Ши.

– Оставим их здесь, – сёгун отпустил поводья.

Мэзэхиро слишком любил животных, чтобы заставлять их сходить с ума от ужаса в дремучем лесу. Лошадь же, осознав, что никто не потащит её в это страшное место, умчалась прочь, подальше от Ши. Мэзэхиро знал, что далеко она не убежит, будет дожидаться своего хозяина. А если хозяин не вернётся – во всяком случае не останется привязанной умирать.

Самураи послушно последовали примеру сёгуна и тоже покинули сёдла своих лошадей. Кто-то шептал боевому другу слова ободрения, кто-то просил не нарываться на неприятности. Самурай и его конь – две души, сплетенные вместе. Неделимы. Хотя лошади воинов и отличались злобным нравом, каждый ученик школы сёгуна с юности выбирал себе животное, которое приручал, с которым выстраивал крепкую связь.

То же касалось и вооружения. В детстве мальчиков обучали владению разным оружием, но однажды каждый понимал, чем будет биться всю оставшуюся жизнь. Кто-то, как Иоши, сын Мэзэхиро, выбирал дайсё – пару мечей. Он души не чаял в клинках и даже под подушкой хра-

нил короткий сёто, что отец подарил ему на четырнадцатый день рождения. Но сам Мэзэхиро предпочитал лук.

Атака на расстоянии даёт преимущество и позволяет не лезть на рожон, легко уничтожая врагов. Он любил разить издалека. Любил чувствовать власть, особенно над теми, кто умеет летать. Всего-то нужны хороший лук, перчатка из кожи оленя и мастерство, отточенное годами. Этого у него было в достатке. Твёрдо стоя на земле, он одним движением накладывал стрелу на тетиву, зажимал её большим пальцем, оттягивал тетиву за ухо и, прицелившись с поправкой на ветер, скорость полёта стрелы и движения противника, отпускал.

Он никогда не промахивался.

Конечно, Мэзэхиро был искусным воином и в ближнем бою. Но ему претила грязь – неотъемлемая часть битвы на мечах. Сёгун не выносил чужой крови на своих руках. Он любовался, как наконечник стрелы вонзается в плоть, как стекает по древку кровь, пропитывая почву под мёртвым телом. Он старался убивать первым выстрелом. Не любил ранить. Рана – тоже грязь.

Они вошли в лес. Повеяло могильным холодом. Хотя время жизни едва успело сменить время силы и вечер выдался тёплым, а на открытом пространстве – даже жарким, но здесь, в сумраке, в месте, скрытом от богов, словно не бывало ни времени роста, ни времени жизни. Словно это страна Ёми – обиталище темных духов в западных землях, – а не центр великой светлой империи.

Здесь, в Ши, пахло смертью. Живые не должны дышать этим воздухом. Откуда же в таком тёмном месте могли взяться волки? До войны они населяли западное побережье, но те леса были выжжены десятками сражений, и оками – немногочисленные посланники богов – погибли вместе с ними, оставив после себя бурые пустынные холмы.

Мэзэхиро понимал, что, возможно, гонится за бредом беспробудного пьяницы. Но если есть хоть малейшая возможность, что оками живы, он должен это узнать.

Самураи неторопливо и осторожно шли следом. Кто-то, конечно, храбрился и смотрел вперёд, словно не замечая перемен вокруг, но большинство разглядывали чёрную землю под ногами, стараясь не наступить на что-нибудь странное, а некоторые совсем съежились, словно трусоватые путники, а не императорские воины. Но Мэзэхиро не злился даже на тех, кто трусил. Они шли по Тенистой тропе. Здесь осторожность никогда не будет лишней. Поэтому ладони всех мечников как бы невзначай легли на рукояти.

Прошло около двух коку. Никто не жаловался, но Мэзэхиро слышал, как воины шепчутся за спиной. Самураи не понимали, зачем они пришли в это богами оставленное место. Хуже всего было то, что Мэзэхиро и сам не знал. Он шёл вперед в надежде хоть что-то увидеть, но вокруг было так темно, что даже очертания кустов, росших вдоль тропы, терялись во мгле.

Возможно, это была глупая затея. Не стоило верить пьянице. Сёгун даже начал злиться на себя: понадеялся на правдивость сказки о древних волках, тут же пустился в погоню за ними, да ещё и лучших самураев потащил за собой.

Но вдруг во тьме, окутывающей их путь, забрезжило призрачное голубоватое сияние. Мэзэхиро остановился и поднял руку. Справа в глубине леса что-то светилось, и это зыбкое свечение доходило до тропы, рассеиваясь у самых ног самураев.

– Видите?

– Что-то светится, – один из самураев шагнул к обочине тропы. Мэзэхиро увидел, что это Дэйки, самый старший и опытный. – Хотите проверить, что это?

– Или кто.

– Думаете, это животное? Светящееся?

Мэзэхиро различил в голосе воина недоверие, но решил, что тот имеет право сомневаться.

– Что мы знаем об этой части леса? Ничего нельзя исключать.

– Я могу разведать, – самый юный из самураев подошёл ближе.

Хотэку. Тихий, скрытный и молчаливый, он всегда держался особняком. Мэзэхиро не любил его. Ему будто недоставало чести для открытого равного боя. Он напоминал сёгуну шиноби – слишком тихий, слишком незаметный… как те, кто вонзает меч в спину. Мэзэхиро не любил шиноби. Мэзэхиро не любил схожесть Хотэку с ними. Он и оставил вчерашнего ученика при себе только для того, чтобы тот всегда был на виду. И никогда не поручал ему важных заданий, опасаясь предательства. Хотя Хотэку ни разу за время учёбы или службы не давал повода усомниться в своей верности, но доблестной самоотверженности он тоже не проявлял.

– Ты уверен? Здесь наверняка полно опасных тварей, – сёгуну не хотелось доверяться столь юному самураю, но рисковать кем-то более опытным не хотелось ещё больше.

– Если это живое существо, любой из отряда скорее спугнёт его, – Хотэку всмотрелся в заросли, пытаясь разглядеть, что они за собой прячут. – Я единственный смогу подобраться к нему близко и незаметно.

И Мэзэхиро пришлось признать бесспорную правоту его слов.

* * *

Хотэку помнил лес. Стоило им ступить под его сень, как он вдохнул полной грудью и впервые за последние десять лет почувствовал себя дома.

Сейчас он бесшумно двигался среди густых зарослей, пригибаясь и ловко уворачиваясь от раскидистых веток, которые тянулись к нему, цепляясь за одежду. Хотэку не был уверен, рад ему лес или разгневан его возвращением. Но одно знал наверняка: ни один куст не позволил бы ему сойти с тропы, если бы его не ждали.

Хотэку заметил свечение гораздо раньше, чем Мэзэхиро-сама остановил самураев. Их отряд продвигался едва ли не на ощупь, пытаясь не сбиться с пути, не предполагая, что Ши всё равно не пустит их в чащу. Когда-то местные жители Ши проложили несколько троп, включая Тенистую, чтобы позволить людям пересекать лес, но держать их на расстоянии. И слухи об опасности леса пустили те из них, кто мог превращаться в человека и посещать город.

Хотэку был одним из них. Из тех, кто остерегается коренных жителей Шинджу – потомков Ватацуми – и не покидает границ леса Ши. Лес был его домом, самым родным и безопасным местом на всей земле. До тех пор, пока он не выбрал свернуть с пути и стать тем, от кого его просили держаться подальше.

– Ты такой же незаметный и бесшумный, как лось в поисках пары. Эти железяки я увидел еще на тропе, – лениво сообщил лежащий под деревом волк, размерами не сильно уступающий самому Хотэку.

– Акито, – Хотэку выпрямился и шагнул из тени на небольшую поляну. Глупо было рассчитывать, что он останется незамеченным. Не для Акито. – Ты и сам сияешь так, что даже слепой заподозрит неладное.

– Никак не могу к этому привыкнуть, – волк поднялся с земли, и его обычно серая шерсть пошла голубой рябью. – Ты привёл этих людей?

– Скорее они меня.

– И что вам нужно?

Оторвать взгляд от шерсти было трудно, но Хотэку знал, что это необходимо. Как бы он ни боялся смотреть в глаза Акито, как бы ни страшился обнаружить в них ненависть или – того хуже – разочарование, он должен был это сделать. И сделал. К своему облегчению, Хотэку не смог распознать в них ни единого чувства, зато понял, как не хватало ему взгляда Акито все эти годы. Того самого взгляда, что стал его первым воспоминанием.

Единственное, чего ему хотелось в этот миг, – броситься волку на шею, как когда-то, и, заливаясь слезами, рассказать обо всём, что с ним происходило все эти десять лет. Вжаться мокрым лицом в шерсть, вдохнуть родной запах и почувствовать тепло, ближе которого не было. Но вместо этого Хотэку, глядя в чернильный омут глаз, ровным тоном произнёс:

– Кто-то похитил Кусанаги из дворца. Вся армия обыскивает остров.

– Думаете, вор в Ши? – так же спокойно уточнил Акито.

Хотэку гадал, чувствует ли он хоть что-то, но не мог разглядеть ни радости от встречи, ни злости, ни даже равнодушия.

– Сёгун не склонен делиться подробностями, особенно со мной. Он повёл нас сюда без объяснений. Но я не думаю, что местные рискнули бы… – он не договорил: Акито медленно двинулся к нему, и слова застряли в горле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.